

Грани.
НАЧАЛО

ДАРЬЯ ОРЛОВА

Дарья Орлова

Грани. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44074149

ISBN 9785005039149

Аннотация

Парадокс бабочки Чжунцзы – уже не terra incognita, если знаешь, как стать бабочкой во сне, а человеком наяву. О такой магии слышали немногие, а практикуют единицы. Майя – одна из обладательниц сакрального знания. Она прожила во сне множество жизней, пока судьба не заставила ее возвращаться в один и тот же сон раз за разом. Героине предстоит разгадать тайну пропажи брата Лили, девочки, чью жизнь Майя проживала во сне. Калейдоскоп жизней, препятствия, загадки: а вы рискнете проспать чужую жизнь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	48
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Грани. Начало

Дарья Орлова

Иллюстратор Владимир Ненов

Редактор Наталья Филимонова

Корректор Александра Приданникова

Благодарности:

С благодарностью к моим учителям и наставникам

© Дарья Орлова, 2019

© Владимир Ненов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-3914-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Тряска причиняла невыносимые муки, а головная боль, нараставшая до этого с каждой минутой, становилась нестерпимой. Помню, как в первые мгновения треск деревянных прутьев и гул в ушах не давали покоя, доводя до безумия. Рука, придавленная тяжелым мешком, онемела и перестала слушаться, мгновение – и я, подскочив на кочке, соскользнула с шаткого помоста, что служил прежнему хозяину сиденьем. Паровая тележка на скакивала на каждый камень и кочку по дороге. Самой дороги как таковой и не было: песок, камни, глина, смешанные друг с другом, образовывали слой грязи, ограниченный по краям проселка высокой травой, доходившей почти до груди. Холодный ветер свистел в ушах и уносил звуки погони вдаль. В нос же бил вечерний запах сырости, питанного влагой дерна и мха. Вдали мелькали тусклые желтые огоньки окон старых деревень и уносящегося в ночь захудалого городка.

Кое-как оглядевшись по сторонам, я увидела изрядно побитое женское тело – Кивры, моей служанки. Та была без сознания, у виска зияла красная рана – неглубокая, но засохшая кровь темной бурой дорожкой проступала от рассеченного виска до уха. Выпуклая сережка с крохотной бузиной белого жемчуга неестественно возвышалась над серовато-коричневой массой грязи и крови. Под левым гла-

зом виднелся ушиб, наливающийся синевой. Темные ее волосы окончательно растрепались и ниспадали на рудый кафтан, который сейчас представлял собой грязно-желтые лохмотья из-за событий последних часов. Бурые кровавые пятна не к месту «украшали» расстегнутый кружевной ворот, заставляя болезненно морщиться при взгляде на нее. Грудь неровно поднималась и опускалась под плотным корсетом, застегнутым уже не на все крючки. Женщина тяжело дышала.

– Кивра! Кивра, очнись, – голос был усталым и напряженным. Удерживая левой рукой рулевой рычаг, я потянулась к своей служанке и принялась кое-как трясти ее за плечо. – Да очнись же ты! Мы сейчас умрем!

Легкая тень скользнула по уставшему женскому лицу, уголки рта скривились и резко опустились вниз – выражение лица стало измученным. Кивра приоткрыла глаза, затуманенные и потерянные, и стало ясно, что она получила удар в голову такой силы, что он выбил ее из реальности надолго. Моей служанке нужна была помощь, но ждать ее было неоткуда. Помощь нужна была нам обеим.

Мы удирали от преследователей, несясь сломя голову по разбитой дороге. Погоня изрядно измотала нас, и собраться с силами, чтобы продолжать движение, уже почти не получалось. Последние крохи надежды еще теплились в нас, но она, надежда, готовилась вот-вот умереть. А вместе с ней – и мы с Киврой. Нет, без боя сдаваться никто

из нас не собирався, даже перед лицом смерти мы готовы были оскалиться и, как подбитые звери, огрызаться до последнего. Нас поддерживал только внутренний дух, потому что шансов на то, чтобы оторваться от двух тележек, наполненных головорезами, у нас было немного. Они приближались с колоссальной скоростью, готовые в любой момент нанести решающий удар и разбить нашу дряхлую повозку вдребезги. Стараясь удержать управление давно отжившей свое тележкой и петляя, я, словно подстреленная лиса, уходящая от преследования гончих, не давала бандитам прицелиться и врезаться в нас.

– Кивра! Ты пришла в себя? Возьми управление на себя!

Она стала неуверенно подниматься, хватаясь за разбитую голову. От этого усилия ее рана снова открылась, и по уже подсохшему бордовому следу побежала свежая струйка крови, которая стекла по подбородку вниз. Пунцовые капли упали на грудь и отметились несколькими грязными кляксами на буро-желтом платье. Было видно, что ей очень тяжело удерживать равновесие и, вероятнее всего, все плывет перед ее глазами. Однако у нас не было другого выхода: неотвратимая смерть гнала нас вперед, прочь от бешеной травли. Спустя несколько мгновений Кивра из последних сил неуверенно взялась за рукоятку и потянула ее на себя – наша тележка стала вилять с новой силой, уже сбивая с ног меня.

– Прошу тебя! Держи руль ровно. Мне надо собраться! – взывала я в отчаянии.

Ошеломленная, она ничего не ответила, только уперлась коленями в передний борт. Расправила локти и как будто слилась с сиденьем. Ее правая рука ухватила черную рукоятку руля направления, а левая – вертикальный длинный рычаг и с силой переключила скорость. Мы неслись дальше. Вцепившись в последний шанс, как клещ, я, наконец, могла заняться преследователями. Нет... Если я и умру, то только ощерив зубы и утянув за собой убийц.

Тренировки брата требовали от меня серьезной подготовки и немалой усидчивости, а сам грозный учитель всегда был ко мне не только требователен, но и надменно-строг, как бы издеваясь над моими неумелыми попытками повторить его практики. «Может, сдашься?» – подтрунивал он надо мной каждый раз, когда у меня не выходило новое или старое закливание, что случалось достаточно часто по тем временам. Злость и обида начинали душить меня изнутри, и в отчаянии я повторяла снова и снова какую-нибудь иллюзию, тихонечко нашептывая себе под нос: «Не сегодня». Несомненно, выученный единожды урок, навык, отточенный до автоматизма, всегда всплывал в моем сознании после нескольких попыток. Спустя столько времени в голове могли раствориться остатки еще детских воспоминаний, смешавшись с прахом прошедших лет, могли утечь навсегда из памяти прекрасные моменты семейного единения, пройдя сквозь призму потерь и боли, но не навыки – тело все помнило. В этот момент оно было мудрее меня.

Воздух заполнил мои легкие, и я перевела внимание на диафрагму. Легко уловимая волна дрожи поднялась откуда-то изнутри и ознобом растворилась в кончиках пальцев, в ногах и бедрах – и, наконец, стерла недавнюю напряженную маску отчаяния и испуга с лица. С силой, почувствовав уплотненный воздух вокруг, мои руки начертили полукруги в пространстве. Земля по обе стороны от тележки немного дрогнула – и остановилась. Стало очевидно, что моих сил недостаточно для малейшей ворожбы. Причиной тому была усталость, мне было не по себе, да и страх заполнил меня без остатка. Мне было слишком сложно сосредоточиться, чтобы что-то вышло, в придачу болью отозвалась левая рука – на ней до сих пор был заметен след от укуса.

Он появился около двух месяцев назад, когда меня укусил гуртро – мелкая вредная животина, наполовину паук, а наполовину мелкий грызун. Уже тогда я заподозрила неладное, но только сейчас связала всю цепочку событий воедино. На одном из фирийских рынков в западной провинции на меня попросту накинuloсь это мерзкое создание и, прокусив до крови левую руку, ускакало в толпу торговцев, впоследствии скрывшись среди коробок, мусора и гнили разлагавшихся продуктов. Погнавшись за ним, я бросила удивленную Кивру, стоявшую в стороне и совершенно не понимавшую, что именно только что произошло. Разумеется, ни само животное, ни его хозяина я так и не нашла.

По моим воспоминаниям, гуртро обычно излавливали

в приморских районах браконьеры, а потом перепродавали на черном рынке за весьма солидные суммы. А данный вид зачастую использовался наемниками, желавшими ослабить жертву перед решающим ударом. Убить меня этот ядовитый укус вряд ли мог, а вот лишить сил – вполне. Что и произошло.

Основным лечением от подобных укусов, как ни странно, служит время. Каких-то определенных трав, способных нейтрализовать яд гуртро, не существует, обычно знахари рекомендуют самый заурядный чай из кроги и травы брусника – наиболее часто используемое средство. Эти травы часто используют для нейтрализации всевозможных воспалительных процессов. На вид они мало отличимы друг от друга и произрастают в северных лесах, где встречаются довольно часто. Имеют форму кустов небольшого размера с черными продолговатыми ягодками горького вкуса, которые используют для лечения болезней горла. Собирают их чаще всего по осени, сушат и заваривают при первых признаках простуды.

Тогда на восстановление мне потребовалось больше месяца, а последствия укуса до сих пор были более чем ощутимы, и сейчас это вгоняло меня в ступор. Как оказалось впоследствии, я более практически не могла пользоваться своими навыками управления землей, которым меня обучал с детства Тинган, мой брат.

Внимание никак не хотело собираться в единую точку.

Мне потребовалось немало усилий, чтобы снова сконцентрироваться на внутренней волне, идущей из земли и пронизывающей мое тело и сознание. Наконец спустя какое-то время я почувствовала гул под ногами – верный признак того, что земля стала мне отвечать. Круг руками, уплотненный воздух между ладонями. Гул пронесся над головами, а земля стала отзываться на него новым движением. От нашей тележки пошли две слабые волны по обочинам в сторону двух тележек с преследователями. Они наклонились и сменили свой курс, рулевое управление заклинило, и они стали стремительно удаляться от меня на гребне земляной волны. Высокая густая трава путалась в их колесах, затрудняя движение вперед. Одна из них сильно накренилась вбок, и из нее на землю выпал человек, который покатился кубарем, собирая траву и землю в единый ком. Несколько мгновений скрюченное тело лежало в неестественной позе, потом мужчина с явным усилием попытался приподняться, с трудом перевернулся на живот и наконец затих.

Подняв телеги на гребень, волна стала стихать, и уже вскоре за нами снова тянулся хвост из головорезов.

Сил моих на повторение трюка с землей больше не осталось. Колоссальная усталость теперь сковывала мое тело и разум. В таком состоянии я была способна в лучшем случае на какую-то простенькую иллюзию или обман зрения. А для положительного исхода, чтобы этот обман сработал на всех преследователей разом, мне необходимо было свести воеди-

но два критических фактора: обе тележки на одной линии и... старое многовековое дерево, достающее своими корнями до подземных вод, а кроной разрывающее черную ткань неба. Это был мой практически последний шанс оторваться от погони и спасти жизнь себе и служанке.

Кивра старательно держала управление нашей паровой тележкой – несмотря на плохое состояние и полученный сильный удар по голове, она справлялась неплохо. Ее левая рука дрожала, но продолжала сжимать рычаг переключения передач. В напряженном ее лице читалась безмолвная боль и мелькали тени отчаяния. Преследуемые и бегущие, мы были способны еще на последний решающий удар.

Следует сказать, что наша телега не отличалась проворством – мы «позаимствовали» ее в трактире пятью часами ранее. Старый трактирщик был настолько пьян, что на мою просьбу одолжить его развозку он просто выговорил нечто на манер «абрыгдав». Я перевела этот ответ как «Конечно, уважаемые леди, вы можете воспользоваться моей тележкой, стоящей у дверей слева».

Сзади показались две паровые тележки преследователей, по головам я насчитала девять человек, и минимум двое так же, как и я, умели управлять стихиями или имели доступ к порталам. Это чувствовалось издали, они тоже пока решили не использовать свой запас энергии, собирая ее для решительной атаки.

Расстояние между нами все уменьшалось и уменьшалось.

И если вопрос собирания тележек в одно пространство уже не стоял, оставался вопрос дерева. Для того чтобы все последователи попали в мою иллюзию, мне необходимо было не просто дерево, а дуб или ясень, на крайний случай подошла бы могучая вековая ель.

Бросив косой взгляд на «хвост», я попробовала снова сконцентрироваться – силы меня покинули. И с таким запасом энергии мне решительно нужен был дуб.

Немного проскакав в нашей телеге по колее, мы резко взяли вправо. Рычаг рулевого управления слегка заклинило, и Кивра изо всех сил ударила ногой по рейке правого колеса. Раздался сильный скрежет – кажется, большая ветка попала между спицами и, прорывав, с треском выскочила в сторону, вонзившись горизонтально в усеянный мелкими золотыми звездочками ночных цветов склон. На его вершине стояло нечто – не то дерево, не то башня. Оно пронзало черную пелену плоского неба и служило связующим звеном между сводом и бесконечной зеленью очного поля. Огромные ветвистые кроны сплетались в черную паутину и устремлялись вверх, собирая звезды на небосклоне. Внушительный размер поднимал в сознании всю древнюю память о мировом древе. Казалось, будто его корни уходили корнями в подземный мир, омываемые бесконечным источником мудрости и древней памяти, а кроны устремлялись в бесконечность звездных миров, унося за собой всю информацию об этом мире. Мощь древа говорила о том, что оно простояло на этом самом ме-

сте не одно столетие и простоит еще по меньшей мере столько же. Этот дуб пережил не одну войну и видел рождение и гибель не одного поколения, вполне возможно, что он стоял здесь с сотворения мира и простоит до его конца, когда в небытие уйдут и люди, живущие под его кронами, и Боги, повелевающие всем его существом.

Кивра продолжала сражаться с управлением нашей телегой, рычаг с трудом поддавался ее напору и неохотно переключался между передачами. Скрип и скрежет сопровождал мельчайшее движение нашей колымаги. Пыль поднималась в воздух и, кружась, не успевала осесть за колесами повозки.

Дуб-башня величественно возвышался на вершине холма, внушительно раскинув ветви. Глядя на него, я в мельчайших деталях нарисовала у себя в голове все дальнейшее представление: и хоровод мелко дрожащих мерзких зловонных тел, и неестественно скрюченные позы, и свисающие лоскуты человеческой плоти со следами всех стадий разложения. Еще немного стараний – и стали всплывать воспоминания о сиене-коричневой коже и смраде разлагающегося трупа пятидневной давности. Особым акцентом был мертвенный стон иссыхающего тела, когда воздух из легких выходит через голосовые связки и заставляет «петь» мертвяка. Мельчайшие детали дополнили образ в моем воображении.

Концентрация. Снова концентрация. И самая мерзкая иллюзия, когда-либо удававшаяся нашей семье, обрела жизнь.

Брат бы мной гордился. Воздух столбом поднялся вокруг дуба и поплыл...

Зрелище было не для слабонервных. Вокруг дерева стали появляться отвратительные упыри. Они были подключены специальным черным каналом к дубу и ходили вокруг него, будто собаки вокруг поводыря. Но не эти черные каналы держали их, а яркий свет, исходящий от верхушки дерева. Он заливал окружающее пространство и гипнотизировал, манил, будто огонек светлячка. Я строго приказала Кивре закрыть глаза и зажмурилась сама. Я создала неотвратную иллюзию, иллюзию, которая способна сразу обмануть все чувства – и зрение, и обоняние, и слух. В сущности, пустяковое колдовство, но достаточно цепкое – оно действовало на всех без исключения, даже на самого иллюзиониста или заклинателя. Единственный способ уберечься, доступный каждому, – вовремя перестать смотреть на источник света. Вообще никак не подглядывать и не поворачиваться даже в эту сторону. И все. Никаких чудес, дополнительного колдовства или уловок.

Упыри продолжали свой мерзостный хоровод вокруг дуба, а мы продолжали уезжать на всех парах – точнее, на предельной скорости нашей старой, честно позаимствованной телеги. Скорость ее не превышала скорости средней упряжи с одной лошадей. Нужно отдельно упомянуть, что упыри-то были не настоящие. Это наши преследователи на время превратились в этих поганых существ – второе условие удач-

ной иллюзии. Мертвенная неотвратимая иллюзия наиболее сильная и долгоиграющая, потому что телу после нее необходимо время на восстановление. Действительного ущерба она не причиняет, но время позволяет выиграть, как раз именно то, что было необходимо в этот момент.

В моем нынешнем состоянии этой иллюзии хватило всего минут на десять. Не успели мы скрыться из виду, как свет на дереве стал тускнеть, рев начал утихать, и уже через минуту послышалась вполне такая человеческая ругань со всеми крепкими оборотами. Грязь и скомканная трава вперемешку с пылью затрудняли путь, попадая в колеса и препятствуя телеге. К счастью, не только нашей. На замызганном кровью и землей поясе моего платья едва ли теперь можно было различить рисунок нашего фамильного герба – веночек из трех дубовых листьев. Блеск золотых нитей, тесно сплетенных в символ былой власти и знаний и потертых от времени, скрылся под толщей грязи. Такой же символ украшал серебряную брошь, некогда принадлежавшую моей матери и доставшуюся мне после ее трагической гибели. Пожалуй, эти два знака сохраняли тонкую чуть уловимую связь с моей семьей и фамилией, от которой сейчас остались лишь крохи былого величия – старый дядя, я да мой брат Тинган, без вести пропавший несколько лет тому назад и чей след я продолжаю искать. Можно только догадываться, жив ли он и в каких краях обитает.

Сплетенные в единый веночек дубовые листья украшали

старую кожаную сумку на лямке на самом дне нашей телеги – она когда-то принадлежала моему брату. Попала ко мне в руки она совсем недавно: несколько дней тому назад мы наведались в дом моего дяди, и в библиотеке, постоянном пристанище моего брата, его вотчине и обители, в столе я обнаружила этот рюкзак с вложенными в него книжками и схематичными рисунками. От сильной тряски скромный металлический замочек расстегнулся, и на пол один за другим посыпались листки, карточки в кожаном переплете и несколько свертков с чем-то внутри. Листья разлетались по всей телеге, на них отчетливо можно было распознать пометки, сделанные рукой моего брата. Закорючки вырисовывались в непонятные мне письмена, где-то виднелись кляксы. Потертые от времени засаленные страницы говорили о том, что их хозяин постоянно к ним обращался и зачитывал до дыр. Подмечал детали, пытался исправить пометки, дочерчивал схемы. Это были не просто черновики, а целая наработка с пояснительными схемами, рисунками, размерами. Изображения незнакомых мне предметов, растений и животных калейдоскопом усеяли основание тележки вперемежку с неопознанными кулечками и свертками, аккуратно пришитыми к ним вошными нитками.

Один из кулечков во время сильной тряски повредился, и из него посыпались мелкие бусины пурпурно-розового цвета – жевательная вытяжка гербеллы, очень ценный субстрат. Так вот за чем именно охотились наемники. Малень-

кий кустик гербеллы произрастает в болотистой местности по всей Империи. Казалось бы, что в ней такого ценного? Вот только для получения вытяжки требуется не сам куст, а его соцветие, а цветет это растение только один раз в жизни – и охотников за его цветами полно во всем мире, от знахарок и колдунов до простых разбойников. Сверхценность этого куста определяется даже не редкостью его цветения, а тем, что гербелла помогает путешествовать, причем не впадать в иллюзию, а именно проходить сквозь пространство при соблюдении простого условия: поверхность, на которой применяется экстракт, должна быть твердой. Дверь, стена, металлический щит – гербелла поможет пройти через нее. Именно поэтому в разбойных кругах правильно приготовленная вытяжка считается достойным трофеем, и за нее с легкостью могут лишить жизни даже простые воры.

Помимо сложности сбора сырья в виде цветков, приготовления самой жевательной вытяжки и сохранения здравого рассудка во время всех алхимических манипуляций, необходимо также помнить и о побочном эффекте – зависимости. Попробовав раз, человек больше не может обходиться без нее. Вдобавок на его жизнь тотчас начинают покушаться преступники всех каст и промыслов.

Готовая вытяжка обладает неестественным розовым цветом и резким кислым запахом, напоминающим прокисшую бражку. Разжевав субстрат до практически жидкого состояния, человек должен выплюнуть его на твердую поверхность,

через которую надобно пройти. После прохода через поверхность спустя какое-то время следы от гербеллы растворяются и примерно через час исчезают окончательно. Именно поэтому воры и грабители так любят и ценят ее. Из любой сокровищницы и кладовой можно вынести несметное количество богатств. Гербелла с давних времен приносила разбойникам обильный урожай монет, шелков, драгоценностей.

В другом свертке лежали еще шесть жевательных шариков, этого хватило бы на шесть достаточно плотных каменных стен, защищающих сокровищницы и кладовые. Сколько замков можно было обойти, сколько добра можно было бы незаметно вынести!

Мой брат долгое время обучался знахарству, он активно использовал гербеллу в своих снадобьях – в умеренных дозах она была способна даже вылечить безумие. Но самое интересное его открытие заключалось в «степени проходимости» гербеллы.

В нашем доме, где Тинган частенько запирался по нескольку дней в своей крохотной лаборатории, царил извечный хаос, в котором, казалось, мог найти закономерность только брат. Колбочки и баночки, расставленные со сверхъестественной аккуратностью, соседствовали с бесчисленными книгами и манускриптами, не то специально оставленными на этих местах, не то очутившимися там совершенно случайно и забытыми навеки. Пятна чернил и каких-то невиданных снадобий то тут, то там свидетельствовали о тру-

дах безумного ученого, не потрудившегося убрать за собой. Порой желавшему войти в эту обитель запретных знаний приходилось ждать часами, а то и днями, чтобы хозяин этого небольшого мирка мог прокрасться к двери и отворить не слишком желанному гостю, посмевавшему отвлечь его от поглощения и переваривания новой книги или тальмаха. Тинган был жаден, его бесконечный аппетит к новым знаниям подогревался с каждым новым шагом, с каждой новой открытой формулой. Он менялся сам, а вместе с ним и менялись его записи. Почерк становился все более крючкообразным и заковыристым, со временем он стал нечитаем ни для кого, кроме брата. С горбатыми буквами стали соседствовать неразборчивые каракули-цифры, напоминавшие скорее маленьких смешных животных, нежели понятные знаки.

Захламленность и беспорядок разбавляли изящные ароматы и разноцветные клубы дыма – порождения очередных экспериментов. В этом странном и живом эфире обитал тот, кого я видела в последний раз четыре года назад.

Из того дня в памяти отложились только звуки и запахи, которые обманывали глаза. Высокие стулья загораживали обзор – через них никак не удавалось увидеть лицо экспериментатора. До меня доносилось только сосредоточенное сопение – верх концентрации, на которую был способен Тинган. Вдох, выдох. Вдох, выдох. И вдруг – странный звук. Кто-то плюнул, скорее всего, на пол или в сторону – и все вокруг замолчало. Не выдержав накала, с трудом я пробралась че-

рез стопки фолиантов, зацепив несколько рукописных талмудов, и с треском, чертыхаясь, рухнула на скользкий пол, усеянный розовыми пятнами.

Брата нигде не было. Сладковато-кислый запах наполнял воздух вокруг, дурманя своим ароматом и сбивая с толку. Приторный до неприятного кумар постепенно стал улетучиваться, открывая вид на крохотную книжонку, не по-хозяйски валяющуюся у опрокинутого деревянного стула. Ее темную ветхую обложку украшали несколько крупных пятен ярко-розового крема, как бы случайно сделанных впопыхах. Хозяин книжонки не успел ее отмыть от этих ярких следов и вынужден был куда-то удалиться. Или исчезнуть. Именно, ее хозяин не успел ее очистить – он попросту исчез. Так же внезапно, как прекратилось и прерывистое сопение взволнованного Тингана. В этой комнате его не было. Как не было и нигде в доме. Брат испарился, оставив после себя горы разбросанных рукописных страниц и розовую пенку, размазанную по обложке книги.

Стон прозвучал откуда-то издалека – с улицы. Наткнувшись на брата в саду, мне удалось восстановить картину происходящего. Обескураженный, шел он по высокой траве, жадно хватаясь за ветви деревьев и обрывая листву, вдыхая аромат сорванной зелени. Пытаясь надышаться воздухом, ни слова не мог он произнести и издавал лишь отдельные звуки. Наконец послышались тихие слова:

– Я сделал это. Сделал...

Торжествующая улыбка озарила его уставшее лицо, а его победоносный взгляд уставился на меня. Он тихо, но очень крадчиво повторил, глядя прямо мне в душу:

– Лили, я сделал это. Я разгадал тайну гербеллы! Я первый. Я! Понимаешь?

Обескураженная, я могла только смотреть на него. Не проронив ни слова, я просто подошла и обняла его за плечи. Он тяжело дышал. Мы молчали, молчали долго, а потом он заговорил.

По его словам, брат пробыл в книге около месяца. А в нашем мире прошло не более десятка секунд. Там был свой мир – тот, что описывался на страницах старенького дорожного романа. Все герои были живы, и на то, чтобы пройти с первой по последнюю страницу, ему потребовалось чуть меньше месяца. Также он освоил несколько охотничьих навыков – например, теперь мог стрелять из лука и охотиться на мелкого пушного зверя, что не преминул сразу продемонстрировать, соорудив простенькую рогатку из подсобных материалов и подстрелив назойливую ворону, сидевшую на высокой ветке яблони неподалеку. Птица упала замертво, распугав мелких пташек и согнав их с привычных мест в нашем саду.

Для меня мой брат изменился – что-то было теперь иначе в его взгляде и образе. Что-то неуловимое, но очень весомое. Несмотря на то, что он был в книге, появился-то он также не совсем с обратной стороны обложки, хотя должен

был там оказаться. Тинган вышел с задней стороны нашего сада, упав в ручей, сместившись во всех четырех пространствах, включая временное. С тех самых пор он стал все чаще запирается в своей лаборатории и проводить время наедине с книгами. Дорожка из сада протаптывалась все стремительнее и превратилась в итоге в широкую стежку от ручья к дому – входу в обитель Тингана.

Последним экспериментом, который он поставил при мне и своем друге Джейкобе, была книга по алхимии, написанная на одной из древнейших версий языка Огневаров. И он исчез. Никто не пришел от ручья к двери лаборатории ни через десять минут, ни через три дня. Мы обыскали все, включая окрестности, – Тингана не было нигде. Перенесся ли он в другое пространство бесповоротно? Познал ли он тайны древних Огневаров? Я не знаю, но с того времени я его не видела, а прошло уже почти четыре года.

Теперь, с каждым оборотом колес нашей дряхлой телеги, тяжелое и мерзкое чувство опасности сгушалось вокруг нас, вселяя страх и будоража воображение, пугая своей неопределенностью и весьма смутными перспективами. Тайна исчезновения моего брата повисла в воздухе, она манила и дурманила меня, заставляя нестись вперед и жадно собирать разбросанные по полу тележки рукописные страницы.

Мой поток воспоминаний оборвала острая, как бритва, волна воздуха, растрепавшая мои волосы. Наши преследователи, те иллюзионисты и колдуны, которые входили в девят-

ку гонителей, окончательно решили действовать и не выпускать свою добычу из лап. А поскольку расстояние между нами с каждым мгновением сокращалось, им необходимо было нанести превентивный удар, чтобы я своими иллюзиями и прочими фокусами больше не тормозила их. На ногах я стояла с трудом, и вялые взмахи рук вселили в них надежду, что моих сил больше недостаточно на серьезное сопротивление. Размеренно дыша и пытаюсь концентрироваться на управлении тележкой, я гнала от себя скверные мысли.

Внезапно с левой стороны телеги стали доноситься нарастающие неразборчивые звуки приближающейся погони, скрежет паровых тележек и стук перескакивающих через выбоины колес. Они не мчались, они стремились в потоке за нами, победно присвистывая и рокоча в жадном рывке, как гончие, взявшие след и загнавшие добычу в капкан.

Заболоченная местность постепенно оставалась позади, и ветер стал доносить до нас совершенно новые запахи – еды и горящего дерева. Мы вихрем неслись к какой-то невзрачной деревушке, утопавшей в зелени меж лугов. Мглистый туман постепенно укрывал дорогу и мог стать или нашим спасением, или дополнительной угрозой. Под покровом сумерек лишь размытые теплые огоньки говорили о том, что там есть жизнь, – старая таверна будто выросла из-под земли прямо на нашем пути.

Мгновение спустя вдоль дороги встал изрезанный и надломленный хребет такого же дряхлого плетеного забора,

ограждавшего границы территории таверны с обшарпанным указателем: «Расколотая бочка». Она была ничем не примечательна, такая же дряхлая, как и все дома в этой деревушке, насквозь пропахшая болотом, гнилью и сыростью, обветшавшая на этом воздухе и неприветливо зазывающая своих посетителей. «Расколотая бочка» давала нам шанс спрятаться, затеряться среди ее постояльцев. Эта смутная, ничем не подкрепленная надежда на безопасность вытолкнула меня из нашей телеги в приоткрытые деревянные ворота ограды, и я кубарем полетела под калитку, пропахав коленями два-три метра утрамбованного песка, смешанного с грязной травой и булыжниками.

Оглядываться не было времени, только краем глаза я заметила удаляющуюся на всех парах Кивру, которая пыталась отгадать от меня преследователей. Но не тут-то было... Все девять кинулись за мной, не обращая на нее никакого внимания. Мне оставалось только скоренько водрузить на свою спину кожаную сумку с чертежами и припустить вдоль стены, впопыхах выискивая вход в кухню таверны. Проскочив несколько бочек и сильно приложившись коленями об каменное крыльцо, я обнаружила дверь. Всех моих усилий не хватило, чтобы открыть ее, – дверь не поддавалась и намертво засела в проеме. Выхода не оставалось, кроме как использовать оставшиеся жевательные шарики гербеллы, принадлежавшие моему брату.

Кислый вкус заполнил мой рот, и такой же прокисший

резкий запах ударил в нос, голова немного закружилась, и в глазах потемнело. Сильнейший страх охватил меня, он практически сковал все тело, руки онемели и перестали слушаться. Такого дикого ужаса я не испытывала никогда в жизни. О нет, это был не просто звериный ужас, это было что-то совершенно неопишное и неконтролируемое, то, что древнее разума и что управляло человеком задолго до появления цивилизации. В один момент что-то чудовищное зашевелилось во мне, заскреблось с неистовой силой и с яростью вырвалось из глотки – я плюнула разжеванный шарик на ближайшую стену.

Раздался сильный скрежет и грохот – обессиленная серая фигура влетела в кухню и сразу разгромила целую горю кастрюль и половников на полках. Из-под ног покатались крышки и мелкие жестяные миски, создавая дополнительную какофонию, в которой смешались дребезжание и стуки. Перепуганная повариха неестественно вытянулась по струнке, и ее лицо побледнело, скривившись в жуткой гримасе, глаза наполнились диким блеском, а руки задрожали, выронив на меня чан с какими-то зловонными помоями – имперские кушанья. Рванула к окну. Нет, туда нельзя, нужно на лестницу.

Один за другим летели шарики гербеллы, спустя несколько мгновений я разжевывала уже не по одному шарик, а сразу по два, а то и три, расходуя их без всякой осторожности. В какой-то момент ход мыслей в голове остановился и те-

ло само взяло контроль над ситуацией. Оно четко передвигалось, рассчитывая каждый шаг. Ноги сами вошли в ритм в ожидании долгой погони.

Преодолев оцепенение, ватные руки продолжили тереть маленький бумажный кулечек с розовыми бусинами, а непослушные ноги несли тело вверх по лестнице. Второй, третий этаж, вот уже показалась дверь на крышу. Так, куда дальше? По лестнице бежали люди, много людей, лязгала сталь. Неужели они все рванули наверх за мной? Все до единого?

Доли мгновения оставались на хоть какие-то попытки продумать и проанализировать эту ситуацию, и, как любой человек, у которого отсутствует собственный нужный опыт, я задумалась о ком-то, у кого этот опыт мог быть, – о Тингане. Как бы поступил мой брат? Точно! Всего мгновение спустя я шумно развернулась в ту сторону, откуда доносились звуки, и изо всех сил последний раз плюнула на стену. Проскользнув сквозь деревянные перекрытия, я ощутила невесомость, сильный ветер ударил мне в лицо. Рывок мой оказался настолько сильным, что я проскочила кирпичную стену насквозь, а за ней ничего не было. Не успев зацепиться за выступающий карниз, я падала с самого верхнего этажа прямо во двор таверны. Деревянный балкон пронесся мимо, за ним пролетели деревянные лестницы вместе с соломенными козырьками террасы, округлые бочки с вином и водой, сложенные в башню, стремительно приближались. Ошибка.

Еще одно мгновение – и земля. Еще не утих шум погони, как с моих губ сорвалось давно забытое имя. Не имея никакой надежды на другой шанс, в отчаянной предсмертной попытке собраться я позвала Джейкоба, соратника и друга моего брата, посвященного в тайны гербеллы.

Эхо в ушах вторило имени, многократно усиливаясь звуком. И когда земля уже практически была перед глазами, все вокруг потемнело и затихло. Шум погони все больше и больше растворялся в окружающем пространстве и вскоре совершенно затих, скрывшись под густой серой мглой, окутавшей меня в одночасье. Туман за клубился и накрыл меня с головой – в один миг ушли отголоски ненужного шума, на мгновение показалось, что существую только я и мое дыхание, а потом все утихло и послышался треск костра... Я наконец решила открыть глаза, и то, что я увидела, поразило меня еще сильнее.

Вокруг было тепло, сухо и пахло жареным мясом. Полурак не позволял сразу разглядеть фигуры сидящих вокруг и мебель. Руки постепенно нащупали что-то твердое и с жадностью ухватились за толстую доску с силой, будто это была последняя возможность проверить реальность на прочность. Нос уловил аппетитный аромат съестного – и не ошибся: практически у самого моего лица стояла большущая тарелка смачно дымящегося рагу. Кусочки мяса, плававшие в темно-бордовом соусе, придавали блюду особую пикантность. Запах растопленного масла в соусе щекотал мой нос. Я всем

телом потянулась еще ближе к тарелке и уткнулась в кубок, наполненный бражным напитком темного цвета. Тот пошатнулся, но не опрокинулся, разлив всего несколько капель вокруг и оставив бордовый след на деревянном столе. Мгновением позже я обратила внимание на пару изумленных глаз, тарасившихся на меня с другой стороны стола. Серые густые брови на морщинистом лице поползли вверх, хотя было видно, что эти глаза видали многое, но не такое – не внезапно появившуюся из ниоткуда девушку, жадно глотающую ароматы свежеприготовленного кушанья.

Этот изгиб бровей, эти карие глаза, смотревшие на меня с непониманием, это знакомое выражение лица – я узнала его сразу. Изумление, непонимание и беспокойство отобразалось на этом лице.

Оказывается, мой последний жевательный шарик все-таки открыл пространство с обеих сторон и притянул Джейкоба ко мне или меня к нему – сейчас уже это было сложно определить.

Сказать, что мы оба удивились, – не сказать ничего. Я радовалась своей внезапной удаче и находке, о том, что испытывал Джейкоб в этот момент, я могла только догадываться.

Взглянув на него еще раз, я не сразу вспомнила, что с нашей последней встречи прошло целых три года или даже больше. Он очень сильно возмужал и немного постарел – теперь он походил на пожилого мужчину, каждый день которого оставил шрамы на его лице в виде морщин и потух-

шего огня в глазах. Он должен был быть моложе лет на двадцать. А теперь скорее походил на бодрого старичка, нежели на здорового мужчину в самом расцвете сил.

Казалось, будто тело его иссохло и еще сильнее похудело, оставив только кости и кожу и избавившись от всего прочего за ненадобностью. И все же этот бодрый старичок не создавал впечатления немощного, скорее наоборот – в нем чувствовалась некая притягательная сила, делавшая незримое предупреждение каждому, кто решится не него напасть, об истинной природе этого человека. При всем этом его худоба представлялась мне несколько неестественной. О том же свидетельствовали тонкие, но все-таки жилистые руки, скрывавшие огромную силу. На плечи был накинута черная балахон. Сильно износившийся, по всей вероятности, он служил Джейкобу накидкой и капюшоном уже не первый год. В ногах возле скамьи был аккуратно приткнут вошечный походный мешок – хранилище всего необходимого для странника.

Весь вид Джейкоба свидетельствовал о том, что человек сторонится оседлого образа жизни и в одном месте надолго не задерживается.

Постепенно изумление на лице его сменилось озлобленностью и некоторой небрежностью. В один момент из доброжелательного старичка он превратился в скрывавшее зло существо. Будто за ним гнались не первый месяц, а времени на передышку и у него не было. Только сейчас я заметила,

что его волосы, отросшие по плечи, сбились и представляли из себя серые патлы, а седина стала проступать не только на висках, но и поблескивать серебристо-белыми вкраплениями на щетине. Я еще раз вызвала старые воспоминания о Джейкобе из моего детства и удивилась, насколько он был старше того возраста.

Они с Тинганом, моим братом, были ровесниками, или между ними был от силы год разницы. Джейкоб был младше моего брата, это точно! А тому сейчас должно быть не более двадцати пяти!

Переведя дух и пододвинувшись поближе к тарелке, я произнесла:

– Джейкоб, это я – Лили, сестра Тингана. Ты помнишь меня?

Мгновенный внимательный взгляд – и искра сомнения мелькнула в глазах, затем в них проскользнула тень давнишнего воспоминания, и наконец раздался хриплый скрежет:

– Я узнал тебя, Лили, сестра Тингана. Как ты меня нашла?

– А я не нашла. Оно само. В смысле... так получилось. Понимаешь, за мной гнались, и я выпала за стену. Ну как выпала, выпрыгнула, а там ничего не оказалось. И вот...

– Что «вот»? – посмотрел он с недоверием, не веря ни единому моему слову и опасаясь, что это ловушка.

– Ну, я разжевала гербеллу, еще Тинган готовил. Наверное, шесть шариков, очень быстро... Поэтому меня перекинуло к тебе, когда я уже почти упала на землю. Я испугалась –

и сразу вспомнила про тебя. И назвала твое имя... – виновато сказала я. Мои руки до сих пор были мертвенно-холодными и тряслись.

Мужчина промолчал, продолжая внимательно рассматривать меня. Он все еще сомневался, можно ли мне верить. С настороженностью огляделся вокруг и, убедившись, что нет опасности, достал руку из-за пазухи.

Кругом не было ни души, и только огонь потрескивал в жаровне, нарушая мертвенную тишину. У меня тряслись руки, и сбивчивое дыхание не позволяло перевести дух, да еще и желудок напомнил о себе. Голод постепенно перерос в грызущую боль, с которой было сложно бороться, и спустя мгновение раздалось бурчание откуда-то изнутри, окончательно разрушившее гнетущую атмосферу.

Глаза Джейкоба на мгновение улыбнулись и с мягкостью посмотрели на меня, а я больше не могла смотреть на него, мой взор был устремлен в полную тарелку, все так же стоявшую перед моим лицом. Незаметная улыбка скользнула вдоль уголков его губ, и он великодушно подтолкнул блюдо с кушаньями ко мне поближе. Стена, разделявшая нас, рухнула. Я с жадностью накинулась на еду, поглощая все до последней капли. Все крупные куски были проглочены первыми, затем выпит весь навар, и, схватив кусочек хлеба, я собрала им остатки бульона со стенок уже пустой тарелки. И она засияла чистотой. Не осталось ни крошки, ни капли кушанья, будто хозяин трактира просто так поставил перед

своими гостями девственно-чистую миску.

Разделавшись со своей внезапной добычей, я смогла расслабиться. Тело отозвалось сильнейшим гулом и мелкой судорогой в конечностях. Передавленные и загнанные мышцы, наполненные кровью, постепенно стали оттаивать, причиняя мне достаточно сильную боль, одновременно с которой, однако, пришло и расслабление. Красный румянец залил мое довольное лицо, говоря о том, что на сегодня достаточно. Мое тело отказалось меня слушаться – оно было во власти тепла и сытости.

Джейкоб медленно потянулся к бражке и бесшумно хлебнул, все так же внимательно изучая меня. Возможно, он пытался понять, каким именно образом я оказалась вот так – перед ним, а возможно, вспоминал наши детские годы, его дружбу с Тинганом и наше родовое поместье.

Отойдя от голода, я испытующе уставилась на старого знакомого. Мое внимание приковала маленькая книжица, что лежала на столе возле кубка Джейкоба. Не без интереса я попыталась прочесть непонятную мне письменность. Джейкоб заметил мои старания и, предугадывая вопрос, спокойно пояснил:

– Это кипсек¹ твоего брата. Он с ней работал, а я забрал после его... ухода.

– Как интересно. А что это за символы? Это не буквы...

¹ Кипсек – роскошно оформленная книга или альбом с гравюрами и рисунками.

Я с такими раньше не встречалась.

– Нет, не буквы, ты в этом права. Это руны. И не просто руны, а руны нижнего мира. На них написана вся книга. Непосвященному человеку лучше с ними не связываться, она написана не людьми и не для людей.

– Но почему она у тебя? Ты же человек!

Он улыбнулся, его улыбка показалась мне какой-то неестественно спокойной и бесстрастной, а ответ скорее озадачил, нежели растолковал суть:

– Не совсем.

«Шутит, что ли? Выпил целый кувшин и решил пошутить. Будто после всего, что я пережила, именно это мне и нужно».

– Не поняла, что это значит? Я же тебя знаю, вот ты сидишь, руки, ноги, голова – все как у людей... Никаких изменений. Только выглядишь... старше.

– Вот именно, я выгляжу *как* человек. В этом мире для моих дел выглядеть как человек, как старый человек, – наиболее подходящая форма существования, – очень двусмысленно и неоднозначно ответил престарелый «как человек».

И снова между нами воцарилась неудобная тишина, и безмолвная стена выросла заново. Джейкоб достал из-за пазухи флягу, откупорил ее, сделал несколько глотков... Аромат трав, смешанный с запахом браги, с новой силой ударил мне в нос. «Снова пьет, будто ему мало».

Потом сунул руку в карман и достал оттуда закутанный в белую тряпицу кусочек сушеного мяса и с жадностью от-

кусил его, начал довольно громко жевать. Я сидела, уставившись на него. «Спился, что ли? Как же так?» В голове не укладывалось ни одно его слово. Немного осмелев и приняв тот факт, что меня могут водить за нос, я продолжила свои расспросы.

– Скажи, ты знаешь, где мой брат и что с ним случилось?

– Нет, – сухо ответил он, продолжая жадно откусывать сушенный шмат непонятного серого чего-то.

«Это уже ни в какие ворота не лезет! Я к тебе зывала зачем? За помощью. Я-то думала, ты сильный, а ты вон какой... спился, или что еще с тобой там случилось?» Конечно же, ничего из этого я ему не сказала. Чувство, что Джейкоб определенно что-то знает и не хочет мне говорить, начало с новой силой свербеть у меня в боку, и, набравшись наглости и смелости, я продолжила:

– Ты знаешь, почему пропал Тинган?

– Нет, я могу только предполагать, – все так же бесстрастно ответил Джейкоб-уже-не-человек.

Ладно, пусть так. Хоть маленькая зацепка. И надежда узнать причину исчезновения моего брата, маленький шанс оправдать столь долгие скитания в моем возрасте и приблизиться к тайне его исследования. Пора было переходить в наступление.

– И все-таки, поделись своими предположениями, – не унималась я.

Джейкоб посмотрел на меня, по моему лицу было видно,

что легко сдаваться я не намерена, ведь упорство было отличительной чертой Кариев, а следовательно, и моей. И мне было легче умереть, чем отступить после всех потраченных на поиски лет. Сейчас, наконец получив зацепку, я была готова искать с новыми силами.

Встретившись с моим упрямым взглядом, он, видимо, понял, что уйти от ответа не получится. Глубоко вздохнул, на долгом выдохе положил на стол книжицу и сказал:

– Твой брат проводил эксперименты с гербеллой, пытался найти, как можно попасть в другие пространства и измерения. И я думаю, что ему это удалось. До его экспериментов было принято использовать экстракт гербеллы исключительно на твердой поверхности – для простого прохождения через стены, двери и преграды. Все просто: чем толще стена, тем нужно больше гербеллы. Но людям всегда мало. Всегда... – Он вздохнул и замолчал, думая, говорить ли дальше, взвешивая каждое слово.

– Многие проводили свои опыты на воде, земле и даже на живых существах, друг на друге. Конечно же, терпели неудачу: люди тонули, застревали на глубине, их просто разрывало на части. Тот, кто проходил, возвращался или душевнобольным и терял рассудок, или становился живым трупом. – Джейкоб поймал на себе мой удивленный взгляд и, предвидя вопрос, сразу же добавил: – Да, гербелла применяется как раз таки при лечении этого самого безумия. Тому, через кого проходили, везло меньше – его разрывало. Слу-

чалось, что кто-то выживал и тогда оставался калекой на всю жизнь. Тело человека, как и животного, не приспособлено к таким грубым вмешательствам.

Люди – создания жадные. Жадные до всего, и до знаний... Им всегда мало. Кто-то работал с землей. Кто-то со скалами. В результате люди просто оказывались зарытыми на глубине или застревали в скале, смотря на сколько хватало гербеллы. Иногда их успевали откопать, но чаще всего они попросту погибали, оставшись замурованными в холодном каменном или земляном гробу. Поэтому я сильно удивился, когда ты сказала, что гербелла принесла тебя. Всегда есть исключения из правил. Думаю, ты как раз и есть такое исключение. А может, нам действительно необходимо было встретиться по какой-то пока неведомой мне причине. Как мы когда-то встретились с твоим братом. Не знаю, время покажет.

Он уже тогда сильно отличался от прочих «исследователей» – вождедел знаний, не ограниченных доступной алхимией, наукой и знахарством. Он не боялся проводить эксперименты, но боялся покалечить людей, поэтому экспериментировал на себе. В этом поиске он пришел к простому и тем не менее гениальнейшему, с моей точки зрения, решению: попробовать пройти через книгу. Это ты и сама видела три года назад.

Джейкоб продолжал. Он ловил мои немые вопросы и сразу же отвечал на них.

– С чего начал? Да с самой простой поваренной книги –

и прошел через нее. Раз – и «вышел» в той же комнате. А на самом деле в его жизни, в его личном времени прошло около недели. Пройдя через книгу рецептов, он отчетливо понял, что знает всю ее наизусть. И не только знает, но и может в любой момент применить эти знания: в его опыте он явственно ощущал вкус, запах, даже консистенцию кушанья. Он мог сотворить любое блюдо из этой книги по памяти и усовершенствовать его, потому что любой рецепт оставался у него в голове и вносил новый алгоритм выстраивания и подбора ингредиентов. Это был его первый эксперимент.

Далее была ваша домашняя библиотека со множеством исторических сборников, энциклопедий и фолиантов. Он «проходил» все – от мореходства до ботаники. Со временем он стал усложнять литературу, брал книги на других языках, до этого неведомых ему, – таким образом он получил доступ ко всем записанным знаниям в нашем мире. Стоит ли говорить, что всю накопленную информацию он применял для поиска и понимания все новых знаний. Теперь ни язык, ни сложная техническая и научная терминология не были для него помехой. И неудивительно, что через некоторое время к нему в руки стали попадать совершенно непонятные и таинственные рукописи, как, например, этот кипсек у меня в руках. Я не знаю, над чем именно он работал в последнее время. Я только знаю, что то, что он сделал, перевернет известный нам мир. Или уже перевернуло.

Джейкоб замолчал... Я смотрела на него с удивлени-

ем и тревогой. Мысли роились и гудели, информация решительно отказывалась укладываться в мою картину мира и становиться сколько-нибудь понятной. Мне действительно показалось, что я пытаюсь уместить эту информацию у себя в голове, но она категорически отказывается там упорядочиваться. Мне не хватало элементов в моей мозаике для понимания всего происходящего. И я продолжила допрос:

– А ты? Ты тоже стал путешествовать и искать знания... в книгах?

– Да. И я пошел по этому пути.

– И поэтому ты так сильно... постарел? Сколько лет ты там провел?

– Давно потерял счет времени – думаю, может, двести, может, триста...

– Триста лет? Но как? Ты бы давно умер!

«Неудивительно, что он пьет все время, я бы тоже к бутылке приложилась, если бы была такой старой».

– Если бы я все это время проживал в нашем мире – да, но я был по ту сторону реальности и состарился на столько, на сколько состарился, – ухмылялся он своим. Его лицо казалось не таким уж и старым для человека, разменявшего третье столетие.

– Так значит, мой брат мог попросту умереть от старости, если он провел все время в книгах? – Ужас и отчаяние сквозили в моих словах.

– Мог, – сухо ответил Джейкоб. Потом посмотрел в мои

глаза, наполнявшиеся слезами, и как бы в утешение добавил: – Но я думаю, что все не так-то просто. Твой брат не мог просто умереть стариком. Я не знаю, где и когда он находится, но это точно не простое место. Думаю, что оно находится за пределами нашего понимания.

Разрывающая тишина снова пронзила пространство между нами. Я судорожно стала перебирать все возможные варианты судьбы моего брата – от кораблекрушения на просторах какой-нибудь приключенческой книги до отравления каким-нибудь неведомым фруктом, вызывающим галлюцинации у шаманов. А может, его поразил какой-то колдун в одной из этих дурацких книг про магию? С ним действительно могло приключиться что угодно и когда угодно. А это значило только одно: все мои старания последних лет пошли насмарку. Я его больше никогда не увижу. Ужас и отчаяние стали потихоньку заполнять мою душу, слезы сдержать я так и не смогла и, осознав свою ситуацию, попробовала допустить мысль, что он мог все-таки встретить прекрасную девушку и прожить с ней в какой-нибудь книге счастливую жизнь или, благодаря своему огромному багажу знаний, стать королем некой легендарной страны. Постепенно я себя уговорила, что, может быть, не все так и страшно. Моя фантазия понесла меня в неведомые дали, пока мой взгляд снова не уткнулся в маленькую книжицу, которую теребил Джейкоб.

– А что за книга у тебя в руках? – надо было отвлечь-

ся мне.

– Я уже сказал, это кипсек, написанный рунами нижнего мира для хранителей нижнего мира. В нем есть знания о материализации вещей и управлении стихиями. Уж не знаю, где твой брат его раздобыл, но простому человеку эта книжица покажется белибердой с непонятными картинками. Именно благодаря тому, что, пройдя через нее, ты произвольно учишь язык и начинаешь понимать все символы, ее тайны становятся понятным для тебя знанием.

И все-таки это было слишком, даже для меня, особенно сегодня. Мое сознание поплыло, я уже слабо представляла, о чем мы еще будем говорить и как эти знания мне применить на практике. Накопившаяся усталость ломила тело, меня клонило в сон, когда полуночный морок прервал тихий, но звонкий голос «как человека».

– Пойдем, на сегодня разговоров достаточно.

Плавно скользнув по скамье, я скатилась на пол и привстала на колени. После перенесенных потрясений я с трудом держалась на ногах, все-таки усталость давала о себе знать, да и новые знания никак не хотели отпускать, клоня голову к земле.

Мы вышли на улицу. Уже наступила ночь. Погода стояла прекрасная – ночной запах ударил мне в лицо и наполнил мою грудь неопишуемым облегчением, дающим надежду. Надежду, что справлюсь, что разгадаю причину пропажи моего брата, что обрету силу...

Кивра! После того как мы разделились у таверны «Расколотая бочка», у меня не было ни секунды подумать о ней. Беспокойство охватило меня: где она? И еще более волнительный вопрос – где я?

– Джейкоб, что это за место?

– Мы в долине Тха-Берш, на окраине Шумарского леса. Это единственный трактир на всю округу, и названия у него нет, просто трактир.

– Шумарский лес... Это несколько дней пути от Багги, где я выпала из-за стен «Расколотой бочки». Кивра должна быть в тех окрестностях. Надеюсь, с ней все в порядке.

– Кивра... Кивра – твоя служанка? – вспоминая, спросил Джейкоб.

– Да, это та самая Кивра, что служила у нас в доме с малолетства. Мы были в доме моего дяди. Я знаю, что Тинган иногда там оставался работать, и мы нашли старую походную сумку. Там были шарики гербеллы. Только мы выбрались в сторону города, как за нами ни с того ни с сего увязались головорезы. Думаю, что они поджидали на дороге путников, и две молодые леди без сопровождения сразу же привлекли их внимание... Но ты знаешь, я просто так не сдаюсь! Я что, зря столько училась ворожить? Ну я им показала... Правда, не так уж и много показала. Сил моих хватило всего-то на одну неотвратную иллюзию да на земляную волну. Их это едва ли могло остановить, тем более что, по моим ощущениям, там было минимум два ворожея. Мы с Киврой

разделились – и вся погоня увязалась за мной, потом в ход пошла гербелла, ее хватило тоже ненадолго, последний мой прыжок за стену оказался... Но ты и так это знаешь. – Я замолчала и с грустью посмотрела на Джейкоба.

Он помолчал, тяжело вздохнул и сказал:

– Не думаю, что ваша встреча с головорезами была случайной. Скорее, они поджидали на безлюдной дороге именно вас. Наемники без выгоды не нападают ни на кого, а с вас просто взять было нечего, поэтому я уверен, что ждали они именно вас по чьему-то указанию. Тем более что с нашей последней встречи я сам несколько раз уходил от подобной погони, пока внешне я не превратился окончательно в старца. Где тот альбом из карточек с записями Тингана, о котором ты говорила?

– У меня его нет... Скорее всего, остался в телеге, на которой укатила Кивра.

– Тогда нам точно надо туда, где вы расстались. Где, ты говоришь, это было?

– Мы ехали из Багги в сторону Шерны, на нас напали практически сразу, как только мы выехали за пределы города.

– Нам надо вернуться в Багги и разыскать Кивру, только нужно быть крайне осторожными, потому что, скорее всего, эти разбойники ошиваются в тех местах и уже разыскивают вас. Поэтому, как только мы там появимся, нас обязательно схватят. Надо что-то придумать с твоей внешностью.

Он обошел меня со всех сторон, взял мои длинные белые косы, достал из-за пазухи небольшое лезвие с деревянной каймой и одним движением руки остриг меня. У него в руках остались две длинные белесые косы с лентами, а я стала походить на мальчишку лет двенадцати. Растрепанные волосы мешали и падали на глаза, я отодвигала пряди в сторону, но они продолжали лезть в лицо.

– Стой смиренно, твое превращение еще не закончено.

Он подошел ко мне и продолжил кромсать мои уже и без того короткие волосы. Вскоре он состриг все длинные локоны и стал соскабливать остальные волосы. Я стояла и плакала: было больно, пару раз он очень сильно порезал меня, и я видела кровь. От моих роскошных прядей не осталось и следа. Когда дело было закончено и вся трава вокруг меня побелела от моих же волос, я решила посмотреть на себя в зеркало. То, что я там увидела, расстроило меня до глубины души. На меня смотрел какой-то печальный лысый мальчишка. В нем узнать меня мог разве что мой брат.

Джейкоб достал из своего походного мешка черно-серый засаленный балахон и пробухтел:

– Переодевайся. Другой одежды нет, но тебя точно никто в этом не узнает.

Делать было нечего. Я сменила свое верхнее платье на балахон, и мое безвозвратное превращение окончилось.

Вдруг земля стала уходить из-под ног, в ушах зазвенело, руки неконтролируемо задержались, и я начала падать. Это ощущение было недолгим, но, почувствовав под собой что-

то мягкое, я открыла глаза...

Я была в своей спальне, вокруг стояла тишина... Это был сон, очередной сон. Точнее, не простое сновидение, а путешествие в другую мерность, в другой мир, другую или другого «я». Обычно я не возвращаюсь в один и тот же мир дважды. Только если я не закончила там свои дела или не прожила необходимый опыт. Каждое такое путешествие запоминается явно, как обычная жизнь, и сохраняется в памяти в мельчайших деталях. У меня уже есть дневник моих сновидений, некоторые из них связаны между собой. Для того чтобы попасть в некоторые миры, мне необходимо разгадать загадки в этом, и тогда дверь открывается и я перехожу на следующий уровень. Это как бесконечный квест, играть в который я начала еще в детстве и смысл которого мне пока неизвестен.

Джейкоб и Тинган... До этого я их не встречала, да и я в этом мире была не совсем я. По моим воспоминаниям из сна, ростом я была куда ниже, да и возраст мой был лет тринадцать-четырнадцать. У меня были две длинные белокурые косы, которые остриг Джейкоб, чтобы мы смогли сбегать.

В реальной же жизни я старше почти в три раза, у меня уже давно есть своя семья и свои дети.

Иногда я путешествую в другие эпохи и становлюсь мужчиной, иногда ребенком, а иногда старцем. Каждый раз это

практически невозможно предугадать. Свой опыт я записываю и потом пытаюсь распознать информацию, зашифрованную в картинках, звуках и формулах. Иногда мне это удается. Но чаще всего это невозможно сделать.

Почему пропал Тинган и удастся ли Лили его отыскать? К сожалению, я вряд ли смогу это узнать, ведь я уже никогда не вернусь в этот мир, даже если захочу... Возможно, у меня получится попасть в него через другие? Но сейчас я это могу только предполагать.

Множество миров я повидала – и прожила уже несколько жизней. В них была и любовь, и разбитое сердце, я даже потеряла ребенка, погибшего у меня на глазах. Этот опыт до сих пор будоражит мое сердце, когда я вечером укладываю своих детей и смотрю на них. Перед глазами стоит образ маленькой девочки с окровавленной головой у меня на руках. И это я пытаюсь забыть, но не могу. Хотя для меня каждая моя жизнь реальна. И накладывает на меня отпечаток опыта.

Глава 2

Весь последующий день на работе думала о пережитом ночью. Время в другом пространстве для меня летит незаметно, поэтому иногда в процессе сна я переживаю по несколько лет и эпох. Наверное, то же самое чувствует Джейкоб, проходя через очередную книгу. Я очень хочу вернуться в этот пусть тревожный, но все-таки волшебный мир. В последние годы меня все чаще стало заносить в миры с совершенно иной физикой.

Для меня важным является не только само путешествие, но и умение применять полученный опыт в повседневной жизни. Как? А очень просто: даже если я не могу колдовать, в моих снах я проживаю опыт и получаю знания, которые со временем «распаковываются» и в моей реальной жизни – как ни странно, они начинают необъяснимым образом материализоваться. Но так было не всегда.

Родилась я чуть меньше сорока лет назад в стране, которой уже не существует. В семье, которой уже тоже нет. Мои родители были физиками, полностью посвятившими свою жизнь НИИ и применению лазеров в квантовой оптике. Инверсия электронных населенностей их привлекала гораздо сильнее, чем семья и дети. Воспитывала меня в основном бабушка. Женщиной она была весьма незаурядной, эдакой городской чудачкой.

Наша «двушка» в хрущевке была наполнена странными вещами, обладавшими своими именами и историей. Вот гребень, привезенный из Османской империи в русско-турецкую войну. А вот тряпичная кукла, которую бабушка купила у торговца с рук еще перед Второй мировой войной, по легенде принадлежавшая великой княгине Ольге Романовой. Каждая вещь в нашем скромном жилище оживала и наполняла квартиру какой-то необъяснимо-волшебной атмосферой, открывая дверь в неизвестное.

В 90-е грянул кризис. И родителям предложили продолжить свою исследовательскую практику в Америке. Бабушка же наотрез ехать отказалась, а я – вместе с ней, как я думала, до конца школы.

Так мы и остались вдвоем. Она продолжала знакомить меня с разными предметами и говорила, что я смогу понять их смысл позднее. Так и случилось, но «позднее» – значило уже после ее смерти.

Когда ей стало совсем худо и ее увезли в реанимацию, я училась уже на втором курсе. Я предупредила родителей о том, что бабушке совсем плохо. Но они все равно не успели прилететь на ее похороны. Она умерла в тот же вечер. И в тот же вечер она пришла ко мне во сне. И провела в мой первый мир. Мы долго с ней тогда говорили. Она просила не плакать по ней и продолжать путешествия. Не бояться вещей, которые жили в нашей квартире, ведь каждый предмет – это ключ, ключ к тому или иному миру. Говорила, что

к ним надо относиться с почтением. И что я смогу к ней обратиться в любой момент. Что для нас с ней ничего не поменялось, она просто перестала быть в своем старом теле и заняла свое место там, где ей положено. Отныне ее платок будет служить ключом в ее мир, и если мне понадобятся ответы на вопросы или совет, мне нужно только им воспользоваться.

На следующую ночь, накануне похорон, я, конечно же, попробовала воспользоваться ее платком. Как им пользоваться, я не знала. Просто положила рядом с собой и уснула. Этого было достаточно, чтобы вновь попасть к ней. На сей раз она передала послание своей второй дочери, моей тетке, чтобы та переставала пить, потому что время на исходе. И если ничего не поменяется, то они скоро встретятся.

Ничего умнее, кроме как заявить об общении во сне с покойницей прямо на похоронах перед всеми собравшимися родственниками, я не нашла, поэтому уже на завтрашнем поминальном столе я рассказала той самой тетушке и ее семье о сем событии. Тетка не испугалась, назвала это все бреднями и мракобесием. И конечно же, снова напилась до беспмятства. Хватило ее, правда, ненадолго.

Через два месяца она померла. Уснула и не проснулась. Ни с того ни с сего. Вскрытие показало, что у нее просто остановилось сердце. Стоит ли говорить, что на похоронах уже той самой тетушки я сидела отдельно, а мои близкие и дальние родственники старались ко мне без лишней необ-

ходимости не подходить? И вообще с тех самых пор мы не поддерживали отношения. Я не приезжала, а они особо меня и не приглашали. А кому приятно услышать о себе такое? Уж лучше жить в беспамятстве, не так ли?

Нет, это не дар предвидения. Это просто знание, что вот твой последний перекресток, на котором ты еще можешь свернуть. Если нет, твоя линия жизни выстраивается в прямую, ведущую только по одному пути, который зачастую не очень-то и далек.

Сложнее всего смотреть на человека и понимать, что он не хочет менять свою жизнь, и если так дальше пойдет, то останется ему немного. Такое же чувство у меня вызвала моя одноклассница-наркоманка, которую я не видела пятнадцать лет. К моменту нашей последней встречи она уже пропустила свой последний поворот, и ее линия выстроилась в прямую дорожку, ведущую к концу.

Для меня эти прямолинейные финалы в жизни других людей видны независимо от того, близкий это человек или просто прохожий. После этого я поняла, что мне необходима множественность – во всем, от путей до опыта. Я должна хоть искусственно, но привнести в свою жизнь дополнительные перекрестки. И стала больше внимания уделять именно путешествиям во снах, посещениям других миров, эпох и обогащением своего опыта или открытием его же. Это ощущение давно забытого навыка сродни тому, как после долгого перерыва ты садишься на велосипед. Мой путь

стал с каждым сном получать все больше и больше ответвлений, древо событий росло и развивалось, приумножая возможности и варианты будущего, отодвигая точку невозврата все дальше и дальше. Страх однолинейности постепенно перерос в интерес к познанию.

Иногда во сне я колдую, заклинаю, призываю. Иногда проживаю вполне унылую жизнь – от рождения и до смерти, которых в моей жизни было множество.

Помню ли я все? Конечно нет. На некоторых знаниях стоит временный запрет. Для меня это ощущается таким образом, что я понимаю и помню, что происходит, но как только просыпаюсь, в течение пары секунд начисто забываю, что случилось.

С некоторыми из своих жизней, как, например, с Лили, я чувствую особую связь. Это как будто я, но и не я. Будто мы, дополняя друг друга, являемся одним целым. Я пока не поняла, как именно с этим целым соединиться и встречаться. У этой «меня» есть отдельная, параллельная своя жизнь, совершенно отличная от жизни в моем реальном мире. И в последнее время у меня закрадываются сомнения, что эти части отражают, отзеркаливают меня, или даже наоборот – это я являюсь их отражением и проекцией. С этим мне еще предстоит разобраться.

Глава 3

«У меня есть разум, все пропало разом. У меня есть разум. Больше ничего»², – монотонно повторяла певица по радио.

«Вот же липучая песня!» – подумала я про себя. И конечно же, в каждой песне, которую слышала в этот день, я находила себя. И тосковала по самой себе. По той себе, которую сегодня ночью обрили наголо. Я чувствовала, как текла моя кровь по лбу от неаккуратных порезов Джейкоба. Это было настолько осязаемо, что, по сути, от этой боли я и проснулась. Ну ужели я не смогу узнать, почему пропал Тинган? Ужели я не смогу разгадать механику и устройство того мира? А ведь я даже не знаю, где и когда именно я была. Хм... Багги – стоит посмотреть в интернете.

«Ok, Google» – и ничего. Регги – направление музыки, бог Браги – скандинавская мифология... Не то... «Багги – небольшой легкий автомобиль высокой проходимости для езды по несильно пересеченному бездорожью. Изначально – спортивный экипаж, фаэтон в конном спорте»³. Снова не то, нет такой местности.

Да... частенько в моих снах попадаются названия, форму-

² Песня «Разум» группы Atlantida Project.

³ Искаженная цитата из «Википедии».

лы и описания, которых я никогда не встречала в этой своей жизни. И в мифологии их нет. И запрета вроде не стоит, а что это? Куда это применить? Непонятно.

День выдался непростым: на работе завал, как обычно, да еще и ребенок заболел, поэтому часть внимания я переключила на здоровье дочери. К вечеру абсолютно уставшее тело отказывалось повиноваться, вследствие чего не я младшей дочери читала сказку, а она мне.

Из-за сильного утомления ночной сон не задался. Если хорошенько не отдохнуть, мой внутренний экран начинает сбоить и выдает мешанину бессвязных образов и сюжетов, что и случилось на этот раз. Ничего ценного или конкретного – просто череда диалогов с коллегами ни о чем. Все это лишний раз напомнило мне, что деньги не главное и надо хоть иногда отдыхать и от работы, и от неизбежного общения за чашечкой кофе, потому что информативности в нем немного, а бесцельный треп для поддержания социальных связей с недавнего времени сместился в числе моих приоритетов чуть ли не на последнее место.

Прошла неделя, мне не удавалось попасть ни в один из уже доступных мне миров. То ли я слишком устала, то ли мне по какой-то причине надо было заняться насущными рутинными делами и меня упорно не пускали в другие пространства. История с Лили и Тинганом постепенно стала забываться, когда наступило воскресенье. Завтра вставать на работу мне надо было позже, и я с радостью переключи-

ла будильник на девять тридцать. Радуюсь этому, я улеглась в постель и... провалилась в пространство.

Каково же было мое удивление, когда меня начал будить столь памятный голос. Он знакомыми полутонами отпечатывался в сознании.

– Лили, проснись, мы уже на месте.

– Что случилось? Где я? – ничего не понимая, пробормотала я.

– Мы подъезжаем к Багги. Ты спала почти сутки. Я уже подумал, что ты впала в зимнюю спячку.

– Как меня зовут?

Воцарилось молчание. Мужчина посмотрел на меня с недоверием и ущипнул за левое колено. Я вскрикнула:

– Эй, ты что делаешь?

– Кто ты?

– Это я у тебя спрашиваю! – грозно ответила я, чуть не плача. – Кто я?

Мы резко остановились, тележка едва не улетела в канаву у обочины. Мужчина в длинном черном балахоне схватил меня за руку, достал два розовых шарика и спросил:

– Знаешь, что это?

– Не помню, – сказала я. – Я уже это где-то видела. Где – не помню.

– Вспоминай. Имя Тинган тебе о чем-то говорит?

– Вроде... Я его точно уже где-то слышала.

– Так... – протянул мужчина в капюшоне. – Уж не знаю,

что с тобой случилось за эти сутки, но явно что-то произошло. Гербеллы переела, что ли...

– Точно! – радостно воскликнула я. – Это – гербелла, – указала я на розовый шарик. – А я – женщина, точнее де-вушка. Меня зовут Лили. Я из рода Кариев, у меня есть брат Тинган. Но он пропал несколько лет назад, и с тех пор я его ищу. А еще... А еще у меня есть служанка – Кивра, но она тоже пропала – точнее, мы с ней расстались не так давно. И теперь я ее тоже ищу. А ты... а ты Джейкоб! Я все вспом-нила.

– Вот и хорошо, – с недоверием посмотрел на меня Джей-коб. В его взгляде точно было что-то печальное, будто он уже с таким сталкивался. Но он не подал и вида, просто сел за управление паровой тележкой. – Я спрашивал у местных, пока ты спала, видел ли кто женщину лет сорока с синяком вокруг глаза, но пока никаких результатов. Думаю, что твоя Кивра – весьма искусный конспиратор. И нам самим придется приложить немало усилий, чтобы найти ее.

Голова очень сильно болела, и появился туман. Ощуще-ние потерянности не покидало меня. Почему у меня поплы-ло сознание и пропала память? Откуда-то в голове возникли образы маленьких девочек – тревога охватила меня и требо-вала срочно сорваться с места, будто кто-то безмолвно звал на помощь. Но кто? В своей жизни я их раньше не встреча-ла, но их лица казались мне до боли знакомыми. Наверное, недоумение на моем лице привлекло внимание Джейкоба.

Он наклонился ко мне, потрогал лоб и спросил:

– Что случилось? Ты выглядишь нездоровой.

– Мы встречали детей до того, как я проснулась?

– Нет, – ответил с непониманием Джейкоб. – Почему ты спросила?

– У меня четкое ощущение, что одной или двум девочкам или девушкам нужна моя помощь, они меня знают, и я их тоже, одна из них больна, та, которая помладше.

– Давно у тебя такое ощущение?

– Нет, я только проснулась, и оно с каждой минутой только усиливается. – Я немного помолчала. – Мы точно не встречали хоть каких-то детей по дороге? Может, так... случайность.

– Я не верю в случайности. Привык доверять своим ощущением. И сейчас эти ощущения говорят, что ты не просто так потеряла память и не просто так говоришь об этих больных детях. Возможно, кто-то где-то сейчас действительно в тебе крайне нуждается.... Лили Кария, ты полна неведомого.

Мы оба замолчали, погружившись каждый в свои мысли. Паровая тележка продолжила размеренно двигаться по дороге из камня... Мы проезжали мимо небольшой деревушки, на пять-шесть дворов. Вдали виднелся достаточно большой дом, и Джейкоб решил попросить хозяина пустить нас на ночлег. Холодная свежесть вечера стала прокрадываться сквозь одежду и пробираться ознобом до костей. Я съежилась

и еще сильнее закуталась в черный балахон.

Наша тележка остановилась у ворот изгороди, и мы оба спешили. Джейкоб подошел в двери и постучал в тяжелую деревянную дверь. За ней слышались тяжелые шаги и грохот.

– Кто там? – донесся грубый хриплый голос из-за стены.

– Меня зовут Джейкоб. Мы с сестрой – странствующие путники, пустите нас на ночлег! Мы готовы заплатить!

– Уходите! У нас нет места! – буркнул голос за дверью.

Мы стояли, глядя друг на друга... Нам совершенно не хотелось ночевать в поле, но и уговаривать столь негостеприимных хозяев казалось бессмысленным. Я уже собиралась разворачиваться, когда услышала быстрые легкие шажки, потом дверь немножко скрипнула и приоткрылась. Через узкую щель на нас смотрела девушка, она была старше меня на пару лет, но еще не вошла в полную красоту своего девичества. Ее конопатое лицо было перемазано сажей, а волосы немного спутаны и заплетены в две косы, образующие своеобразный венчик на голове. Она была одета в обычную деревенскую одежду, сразу было видно, что девушка не боялась работы и обливалась потом с утра и до ночи. Она немного сутулилась и с опаской, озираясь назад, тихонько прошептала:

– Вы чужестранцы? Отец не велел вас пускать... У нас тут все умирают. Сейчас мама больна... Ей очень плохо, у нее уже жар и носом пошла кровь. Мы тут все умираем, кто-то

раньше, кто-то позже. Во всей деревушке осталось человек пять, не считая нас... Если вы не боитесь, я могу постелить вам в сарае.

Мы с Джейкобом переглянулись. Джейкоб посмотрел на мое бледное и изможденное лицо. Долгой поездки я бы не выдержала.

– Мы останемся, – прозвучал безжизненный голос Джейкоба. Он должен был насторожить меня, но нет, я не придавала этому значения. А зря.

Я даже не успела ничего добавить, просто молча пошла за девушкой, зашедшей в темный и мрачный коридор. Она медленно шла и все время кашляла, я заметила на ее платке кровь с черными сгустками и с недоверием посмотрела на Джейкоба. Он взглядом показал, что тоже заметил эту слизь, и кивнул в сторону потолка: там копошилось что-то мерзко-черное, а потом прыснуло в угол – и скрылось. Постоянное присутствие чего-то будоражило меня и заставляло мурашки бегать по всему телу. На душе становилось как-то беспокойно. Я не поняла, почему мы решили остаться в этом странном месте, где всё было пронизано смертью.

Мы шли дальше, мимо меня снова что-то проскользнуло, уже зацепив подол моего нижнего платья. Я чуть не взвизгнула, но вовремя отскочила в сторону. Девушка шла вперед, как в тумане, она зажгла маленькую свечу, и тут я заметила, что от ее головы тянется вверх какая-то малюсенькая черная ниточка, цепляясь к чему-то огромному и тём-

ному, будто вязкому облаку грязи. Это облако определено было живым: в нашу сторону потянулись две тоненькие ниточки такой же тусклой энергии, но остановились, будто упершись в невидимый щит. Что-то не пускало их дальше, и они, оттолкнувшись от нас, с удвоенной силой присосались к девушке. Она вскрикнула и снова откашляла сгусток крови и что-то темное. Ужас охватил меня, я до этого момента никогда ничего подобного не видела. Неужели она не видит, что эта дрянь сжирает ее изнутри? Мне хотелось крикнуть: «Беги!» – но было ощущение, что я потеряла голос.

– Два дня назад мы похоронили мою сестренку, она была совсем малышкой, – тихо сквозь слезы сказала девушка. – Мы тут умираем, один за одним. Следующая, наверное, мама умрет, а за ней я... – очень печально и спокойно продолжила она. – Меня зовут Милья. Отец тоже стал кашлять.

– Как давно люди начали умирать? – насторожилась я.

– Не помню, давно, сестра еще ребенком была. Люди всегда умирали и умирают. Просто нас совсем мало осталось – вот и уходим быстрее.

– А с чего все началось?

– Не помню, – повторила Милья. – Давно это было, сестра еще ребенком была. Люди здесь всегда умирали. Следующая, наверное, мама умрет, а за ней я. Отец тоже стал кашлять. А у меня ведь скоро свадьба должна была быть, но я, наверное, не доживу. Да и зачем мне отсюда уходить? Тут почти все мои родные лежат в земле, скоро и я рядом место

займу...

Я взглянула на Джейкоба, он уставился в пол и, казалось, не интересовался разговором. Было видно, что однообразные фразы девушки – универсальный ответ на любой неуместный вопрос. Будто кукловод управляет марионеткой, бездушной и безмозглой. Я не хотела здесь оставаться, единственным желанием было сбежать куда подальше.

Тут девушка резко остановилась и сказала, что мы пришли. Это был не сарай. Это была спальня в центре дома, и в ней не было окон, это напоминало темницу.

– Я оставлю вас здесь, – сказала девушка и тихонько пошла, шаркая ногами по полу.

– Почему мы остаемся в этом месте? Здесь явно не все в порядке, нам надо поскорее отсюда убираться. Что это вообще за ужас такой? А чернота? Ты видел? Она похожа на огромного ящера, ползущего вдоль потолка. Дрянь какая, давай уйдем.

– Мы остаемся, – последовал уже знакомый ответ.

– Это я уже слышала. Но зачем? *Это* твой план? – Я повернулась к нему, и меня охватил непередаваемый страх и ужас: от макушки Джейкоба через дверной проем тянулась маленькая черная ниточка. Его взгляд был немного затуманен, а лицо стало мертвенно-бледным. Наверное, этот монстр зацепил его, когда мы шли по коридору. А может, и еще раньше, когда мы только подошли к дому. Меня охватила паника, я стала жадно глотать воздух. Руки преврати-

лись в две глыбы льда, я стала задыхаться. Не было ни единой идеи, что делать дальше и как быть. Надо было бежать со всех ног. Я дернула дверь – она не открылась. Ну конечно, Джейкоб закрыл ее.

– Дай мне ключ! – пытаюсь скрыть волнение, сказала я.

– Мы остаемся. – Он стал медленно наступать на меня, вытянув руки вперед. – Иди ко мне!

Стало не просто жутко, стало катастрофически опасно. Как можно было быть такой глупой, чтобы дать заманить себя в такую простейшую ловушку? Страх... Страх сковал всю меня, будто бы меня парализовало, а огромный паук приближался к своему ужину, медленно и играючи. Страх... Первобытный истинный страх, бескрайняя паника и ужас охватили меня целиком, я никогда до этого ничего подобного не испытывала. У меня не было пути назад. Больше некуда было отступить. Шум в ушах заполнил все мое сознание, со мной такое уже было. Я точно это знаю. Я будто понимала, что надо делать! Я читала, нет... я уже это делала, определенно делала, но где и когда? Не помню.

Я плотно поставила ноги на пол, готовая оттолкнуться от земли и вспорхнуть высоко, высоко в небо. Набрала полную грудь воздуха – концентрация, концентрация! – и отстранилась от себя, стала наблюдать за этой стриженной девочкой в черном балахоне со стороны. Вдох, выдох... Вдох, выдох... Пошла волна от ступней, через все мое тело, и вышла через макушку.

Еще раз вдох-выдох, медленные движения, звон в ушах стихал, паника стала отступать, и в голове появилась ясность и осознание, что и как надо делать. Страх больше не было. Не было ничего, только знание, как правильно надо поступить.

В руках появился жар, они просто пылали, аж выжигали меня изнутри. Я подошла к Джейкобу сзади, схватила эту черную нить и прижгла ее своими пылающими руками. Что-то мерзкое, склизкое и черное взвизгнуло и шарахнулось в сторону. Раздался душераздирающий стон и рев, будто раненый зверь попал в смертельный капкан без шанса на спасение. Джейкоб отшатнулся и посмотрел на меня уже своим обычным взглядом. Он не спрашивал, что случилось, просто в один момент вокруг него появились два диска света, один голубого, другой золотого цвета, они изогнулись в две полу-сферы и соединились, образуя один большой кокон. Также от него ко мне выстроилась легкая светлая полоска света, и я почувствовала невероятный прилив сил. Руки стали просто багровыми, и вокруг них появились маленькие гарпуны. Я изо всех сил метнула один такой гарпун в сторону черного сгустка, и он, пища, отскочил в стену и испарился.

– Что это было? – смогла я выдать из себя, когда снова смогла говорить.

Он молчал, глаза постепенно просветлели. Потрогал голову, потом сделал несколько хлопков – и огненно-красный свет разлился по комнате, очистив все помещение. Джейкоб

прохлопал свои руки и шею, потом с силой сам себе дал пощечину и, придя в себя, наконец заговорил привычным голосом:

– Беспредельщики тонкого мира – гурли. Законы им не писаны. Нападать могут на кого угодно и, выжрав свою жертву, переключаются на следующую.

– Никогда о таких не слышала. Делать-то что будем? Весь дом ими кишит, а благодаря тебе мы в самом его центре, – укоризненно я посмотрела на него, но потом осеклась. Джейкоб пристально смотрел на дверь, бубня под нос тихие незнакомые мне слова.

Не уверена, слышал ли он меня, но уже без особой надежды я повторила свой вопрос:

– Делать-то теперь что?

– Сражаться! – отрезал он, сверкнув изрядно почерневшими глазами, бордовый свет снова стал пульсировать за его спиной, и он тихо добавил: – Другого выхода нет. Они уже здесь.

Сначала я подумала, что он пошутил, но его выражение лица показывало всю серьезность намерений. Другого выхода действительно не было.

За дверью закопошилось что-то мерзкое, послышался кашель Мильи. Тихие шаги доносились от двери. Вслед за ними слышались глухие слова:

– Мы приготовили ужин, присоединяйтесь к нам.

Далее шагов не последовало – это могло означать, что она

стояла прямо за дверью.

– Как мы будем сражаться? И самое главное – чем? Я никогда таких тварей не видела. Мне страшно, – нервно прошептала я Джейкобу.

– Что ты знаешь о земле? – спросил он в ответ.

– А это-то тут при чем?

– Вспоминай, что ты знаешь о земле, – абсолютно серьезно ответил Джейкоб.

С землей у меня связаны мои самые первые занятия с братом, он учил меня управлять своим состоянием и погружаться в землю, сливаться с ней, и подниматься на поверхность, образуя волны. Что я и сделала недавно, когда за нами с Киврой гнались преследователи. Но тогда у меня было немного сил, да и раненая рука, конечно же, за два дня не прошла. Моих сил на ворожбу сейчас не хватит, но я знаю, что с землей надо слиться.

– Не было ничего, и из мирового Океана Хаоса родилась Земля. Она – мать, которая дала жизнь всем существам, породила первых Богов, возмнивших себя выше Матери. Боги же создали нас и дали людям магию, но оставили себе право взаимодействовать со стихиями, в том числе и с Землей...

– Это легенды... Я спрашивал тебя о магии земли. Что ты изучала?

– Я начинала с основ. Тинган показывал мне несколько трюков – волну, например... А еще мне кажется, что я мог-

ла бы попробовать что-то новое. Не уверена, что у меня получится. Мне надо слиться с землей. Но и для этого надо много энергии.

– Новое? – Он недоверчиво посмотрел на меня, но уступил. В конце концов, если бы не мои новые знания, его, великого путешественника через книги, уже бы давно дожирали где-нибудь под лестницей. Он еще раз бросил взгляд на закрытую дверь, потом на меня, потом снова на закрытую дверь – копошение за ней усиливалось, – потом снова на меня. Затем подошел ко мне, взял за плечи и заговорил своим вкрадчивым голосом:

– Слушай меня внимательно, Лили. Уж не знаю, почему моя магия на них не действует, как и мои защиты, но это неспроста. Гурли хитрые существа, учатся быстро и, высасывая свою жертву, обретают ее силу. Возможно... Только возможно, что им уже попадались такие маги, как я, и мои приемы на них не возымеют действия. Поэтому действительно нужно что-то новое. Именно поэтому тебе нужно будет с ними разобраться, применяя это новое, а я буду давать тебе силу. Будь очень аккуратна. И не давай им к себе присосаться. Все поняла? Я могу попытаться запечатать комнату, этого хватит на несколько часов, но потом они снова придут за нами. И чем дольше мы тут будем сидеть, тем голоднее эти твари будут становиться.

Я только кивнула в ответ. Он встал за моей спиной и между лопаток положил свою правую руку. Задышал глубоко,

а потом прерывисто, и я почувствовала, как меня наполняет энергия. Как именно соединиться с тем, что заполняет собой все вокруг? Как взять силу, которая находится под ногами?

В голове стали возникать навязчивые слова будто давно забытой песни:

*Моя Богиня, моя Госпожа —
неувядаемая хранительница мира.
Ты можешь все. В то время как могла
родить бесчисленное количество миров.*

Слово за слово, я бормотала себе под нос это четверостишие все интенсивнее и интенсивнее. Тело стало постепенно погружаться в вязкую трясиину, часть меня улетела куда-то очень глубоко, под землю. Настолько глубоко, что я сама стала гранитом, землей, я растворилась во всем. И время остановилось. В моем состоянии больше не существовало ни проблем, ни людей, ни меня. Я стала землей, а земля мной. И в этом растворенном состоянии ко мне стали приходить другие слова:

*...Ибо твоя природа плодороднейшая из бывавших,
Ты малое удочерила.
Любое из созданий навеки счастливо от мысли лишь
одной:
родник судьбы – Божественная Мать!*

Время остановилось внутри меня, и, когда я открыла глаза, Джейкоб смотрел на меня с удивлением и даже каким-то восторгом. Мне было трудно сделать первый шаг, казалось, что ноги вросли в землю и мое тело весит как целая гора. Я продолжила свое медленное движение. Джейкоб не сказал ни слова, просто убрал руку, но сохранил невидимую связь. Мы открыли двери, больше не было страха. Я заметила, как к Милье подтянулись уже три канала и жадно продолжали ее выедать. Под тяжестью собственного тела она согнулась и оперлась о стену, стоять она уже не могла и вряд ли когда-нибудь сможет, если ничего не предпринять сейчас. Я спокойно подошла к ней сзади и схватила сразу все каналы одной рукой – они оказались хвостами-присосками трех гурлей, подвисших под потолком. Снова мысленно соединилась с землей и «ушла на глубину», утянув их за хвосты с собой. В голове осталась только фраза «Прими своих детей!». И отпустила их там.

В ответ я ничего не услышала, но стало понятно, что просто так земля их уже не отпустит. Земля их приняла, своих детей, таких же, как и мы. Милья потеряла сознание и упала на пол коридора. У нас не было времени и возможности ей помочь сейчас – нам надо было ловить остальных. Я насчитала минимум еще восемь мелких беспредельщиков и од-

⁴ Отрывок шестой из книги Аллат.

но большое что-то – по ощущениям это был главарь. А судя по волнам, которые исходили от него, сдаваться он был не намерен.

Охота продолжилась. В гостиной комнате мы изловили еще троих, и таким же образом я утащила их в землю. Гурли, общаясь между собой по невидимому каналу, судя по всему, быстро смекнули, что просто так им нас не заполучить, и начали атаку. Меня прикрыл Джейкоб, теперь он создал для нас обоих прозрачный щит, у которого был весьма интересный способ действия. Каждый раз, когда в нас летела присоска или шла разовая атака с темной энергией, место, куда должен был прийтись удар, попросту размывалось. По сути, мы стали для них прозрачными и нематериальными – им не за что было зацепиться и некуда было ударить. Я нашла данный вид защиты крайне эффективным и, уже не отвлекаясь на поползновения гурлей, продолжила охоту.

Мы прошли по коридору и подцепили одного мелкого беспредельщика у потолка, один таился в каморке в углу, свернувшись в маленький черный комочек, остальных видно не было.

В доме наступила абсолютная тишина. Я было подумала, что уже все кончено, как тут же услышала истошный крик и стон возле комнаты, откуда мы пришли, – это была Милья. Мы кинулись туда. Двое гурлей «доедали» то, что осталось от бедной девушки. Конечно, доедали не в физическом плане, просто у нее почти не осталось энергии, чтобы жить, –

они выпили ее почти всю. Как я это поняла? А очень просто: у человека, которому мало осталось, тухнут глаза. У Мильи они были практически пустыми.

Я моментально подлетела к ней, но Джейкоб меня остановил. Нам нельзя было выдирать каналы крепления, иначе «расплескавшаяся» энергия и оставшаяся в самом канале попросту пропадет, а без нее Милья уже не выживет. Нужно было срочно что-то предпринимать.

– Джейкоб! Размой место крепления каналов, а я буду вытягивать энергию для Мильи. Ты просто будешь размывать, а я, по сути, высасывать из канала назад. Этого должно хватить, чтобы она пришла в себя.

Мы так и сделали. Джейкобу потребовалось несколько минут для «размывания» места крепления, а я в это время продолжила перекачку энергии самой Мильи к ней же. Когда дело было закончено, я, продолжая держать гурлей за хвосты, снова утянула их в землю с посылом «Прими своих детей».

Оставался главарь, недовольство которого однозначно продолжало расти. Мы завели Милью в нашу комнату, но оставлять ее здесь одну, пока дело не закончено, тоже было нельзя, равно как и тащить с собой.

– Надо как-то обезопасить Милью, – сказала я взволнованно.

– Я запечатаю комнату, туда никто не войдет и не выйдет. Тем более что она сейчас самостоятельно это сделать не сможет. До того как мы закончим, она в безопасности, а потом

я сниму печать, – ответил Джейкоб.

Мы оттащили Милью в комнату и уложили на кровать. Вышли и закрыли дверь. После этого Джейкоб наложил руки на дверь – она засветилась и пошла какими-то узорами, похожими на те, что были у него в книжице. После этого все погасло и дверь снова стала обыкновенной дверью. Я хотела подойти и посмотреть на нее поближе, но Джейкоб остановил меня и произнес:

– Не трогай ее, если не хочешь проблем. Печать работает на всех без разбора, кроме того, кто ее наложил. Если не хочешь еще больших неприятностей, не спеши ее открывать без меня.

Я отдернула свою руку. Ярость, исходившая от главаря, не давала мне покоя. С ним надо было разобраться, но для начала его надо было найти.

– По моим ощущениям, остался один, зато какой!

– Да, по моим тоже, – подтвердил Джейкоб. – Главное, чтобы остальные не успели назад вылезти за это время.

– Назад вылезти?

– А ты думала, они там навечно? – ухмыльнулся он. – Земля – их дом родной, она их породила, она их такими и сделала. Думаю, у нас есть от силы несколько дней, а потом они вернуться: тут ощущается разлом, и они имеют право тут находиться. А вот люди – нет. Это не их земля.

– Получается, мы помогаем нарушителям?

– Получается, что так. Люди наивно полагают, что явля-

ются хозяевами всего и вся, но это не так. Есть места, которые сама Земля определила для жизни, а есть – которые она сама определила для смерти. А есть просто разломы, как в порталах, откуда эти твари и лезут. И они имеют право здесь находиться, неподалеку от таких мест. И то, что здесь живут люди, их нисколько не смущает. Выгнать окончательно с этого места ты их уже точно не сможешь, самостоятельно закрыть разлом – тоже. Остается только бежать. Кто мешает людям построить дом чуть дальше? Никто. И только человеческая самонадеянность вызывает вопросы и смерти. Не надо было им тут селиться, не надо. Они за это свою плату уже понесли.

– И нам будет плата за то, что их выгнали?

– Ты их не выгнала, они вернуться, уж поверь мне. И с подкреплением, это точно. И нам бы лучше с ними не встречаться, когда это случится.

– Нам надо последнего отправить вниз, иначе, как я понимаю, они вернуться быстрее.

– Так не будем терять время.

Мы продолжили наш путь по коридору в поисках сильнейшего из гурлей. Его нигде не было – ни следа не было видно, ни звука ниоткуда не доносилось. «Притаился, гадина», – подумала я. И тут стало понятно, что «главарь» выжидал, и выжидал не напрасно. Мы услышали уже не стон, а последний крик сверху. Кинулись туда, и то, что я там увидела, потрясло меня до глубины души. На кровати лежала практи-

чески иссушенная мумия немолодой женщины. Рядом с ней на коленях стоял тот самый мужчина, который не захотел нас впускать, а над ними восседало *нечто* огромное, вязкое и смрадное. Это был он.

Стало ясно, что женщину уже не спасти, – я подбежала сзади и стала отцеплять крепления щупалец, одно за другим. Джейкоб страховал нас непроницаемым щитом. Когда все щупальца были нейтрализованы, я снова вошла в землю и попыталась утянуть гурля за собой. И... у меня ничего не вышло. Я снова сконцентрировалась и попыталась его утащить – ничего не вышло. Моего «веса» попросту не хватало, чтобы его сдвинуть вниз, а он сопротивлялся изо всех сил.

Мне не пришло ничего иного в голову, как начать его уговаривать спуститься со мной. Конечно же, это не подействовало, ведь он не такой дурак, чтобы возвращаться вниз.

Как бы я ни старалась, ничего не выходило. Идей больше не осталось. В руках у меня извивались мерзкие хвосты-щупальца главного гурля, он все так же восседал под потолком комнаты, а я даже и близко не могла сдвинуть его с места. Он был для меня просто неподъемным!

– Его надо просто сожрать! – вдруг выпалила я, сама ужаснувшись такой идее. – В смысле высосать. Он же может меня через щупальца высосать – значит, и я его могу!

Я прижала все пять щупалец к рукам, и гурль стал меня жадно пожирать, а я стала пожирать его. Я стала просто рас-

творять его в себе, высасывая все до капли. Он стал уменьшаться в объеме и уже понял, что попал в ловушку, поэтому постарался отцепиться от меня. Но не тут-то было, я стала пожирать его, вытягивая энергию руками, и вскоре поглотила целиком. Мне стало дурно – голова кружилась, меня стало рвать.

– Что ты вытворяешь? – заорал на меня Джейкоб.

– Я его сожрала! Он был мерзкий и отвратительный, но он был энергией. И я ее поглотила. Всю, – растерянно ответила я.

– Ты точно сумасшедшая! Это опасно, можно по незнанию подцепить какую-нибудь дрянь, а потом ты ее не выведешь! Нельзя вбирать энергию через руки дальше локтей. Иначе эти твари могут навредить всему телу и не только! Если позволить им внедриться, они могут начать управлять тобой – ты сама и не заметишь, как перестанешь быть собой. Ты думаешь, Милья сама разрешила гурлям к себе присосаться?!

– Думаю, что нет, – тихо виновато ответила я. Мне снова стало страшно, и у меня снова стали трястись руки.

Он осекся. Ему удалось меня напугать еще сильнее не свойственной ему обычно эмоциональной речью. Поэтому он смягчил тон и произнес:

– Я сам это заварил, а ты помогла нас вытащить отсюда. Ты молодец. Мне надо осмотреть тебя и, если есть что-то внедренное, извлечь его и поставить целебное заклинание на тебя.

Я расплакалась – не то от пережитого сегодня страха и жути, не то оттого, что попросту не была готова к увиденному. Джейкоб подошел и обнял меня, он похлопал меня по плечу, я постепенно стала успокаиваться. Джейкоб по-отечески погладил мою обритую голову и добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.